

В самом центре площади чета укутанных в грязные платки крестьян истово, до хрипоты уговаривала стоявшую на коленях девушку.

— Паньди, мы же из дома вынесли всё до последней плошки! — сокрушался отец. — Неужто у тебя сердце не сожмётся, глядя, как мы с матерью на улице подышать от голода будем? Землевладелец Ван из города давно на тебя заглядывается, и выкуп за тебя даёт знатный. Выходи ты за него! Нам жрать скоро нечего будет, какое тут к лешему бессмертие...

На вид беглянке было не больше пятнадцати-шестнадцати лет. Черты её миловидного лица выдавали привычку к суровому крестьянскому труду: ладони покрывали жёсткие мозоли и мелкие ссадины, а губы обветрились и потрескались. Однако взгляд девчонки горел упрямым, яростным огнём. Сжав кулаки, она гневно оборвала родителей:

— Отец, матушка! Тот странствующий заклинатель сам сказал, что у меня к великому пути способностей куда больше, чем у брата! Брат бесталанен, почему же вы именно меня гоните? Если я пройду отбор и поступлю в школу, разве это не обернётся благом для всей семьи?

Женщина всполошилась и несколько раз больно шлёпнула дочь по рукам.

— Цыц, пустомеля! Ишь, чего удумала! А коли поступишь, кто нам выкуп от землевладельца Вана отдаст? На какие шиши твоему брату невесту сватать будем, а?

Мужчина тоже принялся угодливо канючить:

— Вот именно, Паньди. Мать твоя ещё двоих сыновей родить хочет. Уйдёшь — на ком дом останется? Будь послушной девочкой, уступи брату место на испытании. Ежели он пройдёт, то прославит наш род на веки вечные. А от девки в заклинателях никакого проку...

Сюй Паньди резко вскинула голову. Её ясные глаза налились обидой и гневом, а голос зазвенел, срываясь на крик:

— Брат и дома может работать, семью кормить! У меня дар сильнее, с какой стати я должна уступать?! Почему мы не можем пройти этот отбор вместе?!

Разъярённая мать с силой толкнула дочь в грудь, повалив на пыльные каменные плиты.

— Ах ты, тварь неблагодарная! Мы с отцом ещё из ума не выжили, а ты уже поперёк нашей воли прёшь! О семье совсем не думаешь! Погубить нас решила, паршивка? Да ты же весь род Сюй по миру пустишь!

С этими словами женщина рухнула прямо в дорожную пыль и покатилась по земле, заходясь истошным бабьим воем и колотя ногами.

Глядя на бьющуюся в истерике мать, Паньди сама едва сдерживала слёзы. Но она лишь упрямо кусала губы, не проронив ни звука. Глава семейства в стороне лишь горестно и натужно вздыхал.

В этот момент из толпы выступил тот самый изнеженный младший брат, ради которого родители пустили с молотка всё домашнее имущество. Ухмыляясь, он выудил из засаленного узелка сложенную бумагу и швырнул её прямо в сестру.

— Тебя уже продали землевладельцу Вану в наложницы! Задаток — целых десять лянов серебра! На эти деньги мы безбедно несколько лет проживём. Сестрица, коли в тебе осталась хоть капля совести, возвращайся с родителями домой. Иначе их забьют до смерти!

Паньди вздрогнула. Онемев от ужаса, она уставилась на упавшую перед ней гербовую бумагу.

— Советую хорошенько подумать, — вкрадчиво добавил братец. — Если из-за твоего упрямства отец с матерью сгинут под батогами вышибал землевладельца Вана, ты прослывёшь отцеубийцей. Весь уезд будет плевать тебе в след, а в деревне и шагу ступить не дадут!

Девушка без сил опустилась на землю. Её пальцы безвольно коснулись холодных плит.

— Но я ведь ясно говорила... что не пойду за него... — прошептала она, давясь слезами. — Зачем... зачем вы всё решили за меня?!

— Тьфу! — сплюнул малец. — Землевладелец Ван на тебя позарился — радоваться надо, дура! Скажи спасибо, что за твою шкуру целых десять лянов отвалили. Сестре Ван Эргоу за замужество всего один лян дали, и то все завидовали! А про дар помалкивай — отбор покажет, у кого он есть, а у кого нет. Девке место в усадьбе богача, а не среди заклинателей. Возвращайся в деревню и смиришься, в этом твой дочерний долг!

Родители тут же подскочили к ней, хватая за плечи и полы платья.

— Доченька, Паньди! О бессмертии пусть брат заботится. Пойдём домой, а? Не упрямься. Вся семья на тебя смотрит. С землевладельцем Ваном ты нужды знать не будешь, да и нам полегче станет. Будь же умницей, пожалей стариков, умоляем тебя!

Сюй Паньди задыхалась от ярости и бессилия. Слова застряли у неё в горле. Она мёртвой хваткой вцепилась в камни мостовой, отказываясь подниматься.

Собравшаяся на площади толпа уже вовсю гудела, обсуждая разыгравшуюся драму.

Сюй Тяньтянь наклонился к уху Не Гэнлани и тихо прошептал:

— Ну и бедолага... Семья просто камнем на шее висит. И папаша с мамашей, и братец этот — сущие пиявки. Высосут из неё все соки, жизни девчонке не дадут. Жалко её.

Вдруг младший брат Сюй взвизгнул, срываясь на зловещую угрозу:

— Сюй Паньди! Тебе действительно наплевать, что отца с матерью забьют до смерти? У него на псарне волкодавы лютые! Хочешь, чтобы их растерзанные трупы бросили гнить под деревом у околицы на съедение воронью?!

Паньди вздрогнула как от удара. В её глазах промелькнул неподдельный первобытный страх. Пальцы разжались, потеряв опору, и родители без труда вздёгнули обмякшую девушку на ноги.

Мать тут же засуетилась, утирая ликующие слёзы:

— Вот и славно, милая! Я же знала, что у тебя доброе сердце. Брат у нас станет великим заклинателем, ты — госпожой в богатом доме, оба в люди выьетесь! Заживём наконец по-человечески. Пойдём, дочка, пойдём скорее домой.

Сюй Паньди безропотно, словно тряпичная кукла, позволила уводить себя. Толпа неохотно расступилась, пропуская странную процессию, и покорную девицу спешно увлекли прочь с площади.

В толпе продолжали шептаться:

— Какая бы то ни было, а девку сгубили.

— Да уж, не повезло бедняжке с роднёй...

Не Гэнлань хмурился всё сильнее, его губы сжались в тонкую бледную линию. В голове набатом стучала несправедливость увиденного. Девушка проделала огромный путь, вынесла столько лишений ради этого шанса. Проверь она свои силы прямо сейчас — и судьба её могла измениться навсегда. Но алчные родственники лишили её даже права попытаться.

Разве только потому, что она родилась женщиной, наречённой глупым именем «Паньди»? Неужели она обязана тащить на себе весь этот паразитический сброд, не имея права распоряжаться собственной жизнью?

В глазах Не Гэнланя сгустился мрак. Решительно развернувшись, он бросился сквозь толпу вслед за уходящей четой.

Чуть поодаль среди зевак выделялись двое — благообразный юноша и статная девица. Заметив порыв Не Гэнланя, они тоже переглянулись и устремились следом.

— Даос Не, стой! — взмолился Сюй Тяньтянь, пытаясь протиснуться сквозь плотную стену зевак. — Куда же ты? Ну и пряткий же ты, не поймаетшь!

Растревоженная зрелищем толпа сомкнулась глухой стеной. Сюй Тяньтянь и те двое незнакомцев безнадежно увязли в людском водовороте, тогда как распалённый праведным гневом Не Гэнлань двигался напролом, бесцеремонно расчищая себе путь локтями.

Вывавшись наконец на оперативный простор, он увидел, что Сюй Паньди и её родители уже спускаются по широкой лестнице, ведущей прочь от площади. Мать и отец вели упирающуюся дочь под руки, почти волоча её за собой.

Не Гэнлань помрачнел. Сунув руку в мешочек вселенной, он извлёк два Талисмана обездвиживания. Эти простейшие амулеты не требовали развитых каналов ци — даже обычный человек мог активировать их, чтобы сковать любого смертного на две стражи.

Этого времени с лихвой хватит, чтобы Паньди успела вернуться и пройти проверку.

Зажав по талисману в каждой руке, юноша грозно окликнул беглецов:

— А ну стоять!

Семья Сюй испуганно замерла. Оглянувшись, они увидели сверстника своей дочери, который вперил в них тяжёлый, не предвещающий ничего хорошего взгляд.

— У этой девушки явный талант к самосовершенствованию, — ледяным тоном произнёс Не Гэнлань. — А ну отпустите её живей, не то пеняйте на себя.

Крестьяне растерянно переглянулись. Сама Паньди тоже уставилась на нежданного спасителя в полном недоумении.

— Паньди, это ещё кто? Уж не ухажёр ли твой тайный? — подозрительно прищурилась мать.

Девушка лишь испуганно мотнула головой.

Тогда отец семейства, набычившись, шагнул вперёд:

— А ну проваливай, паскудник, пока цел! Коли расстроишь нам сделку с землевладельцем Ваном, нас же его люди до полусмерти изобьют! Ты этого хочешь, а?!

Лицо Не Гэнланя сделалось ещё суровее.

— Она ясно дала понять, что не желает идти за этого старика. Вы сами, без её согласия, подписали кабальную бумагу. Так что если вас забьют палками — туда вам и дорога. Сами виноваты.

— Ах ты, щенок желторотый! — взвился крестьянин, задыхаясь от ярости. — Как у тебя язык повернулся такое сказать?! Паньди — наша плоть и кровь! Мы её на свет произвели, мы её выкормили, и воля наша над ней безгранична! А ты кто такой, чтобы совать свой нос в чужую семью?!

С этими словами мужик засучил рукава и, тяжело топая, двинулся на Не Гэнланя, намереваясь проучить наглеца.

Юноша спокойно отступил на пару шагов назад, держа пальцы наготове. Едва крестьянин

приблизился на расстояние одного чжана, Не Гэнлань резким взмахом выбросил вперёд руку с талисманом. Бумажная полоска вспыхнула блеклой искрой, со свистом устремившись к груди нападавшего. В ту же секунду мужчина замер, обратившись в безжизненную статую с занесённым кулаком.

Мать ахнула и в ужасе бросилась к мужу, но второй талисман уже летел ей навстречу. Ещё одна короткая вспышка — и баба так и застыла с разинутым в крике ртом.

Супруги могли лишь испуганно вращать глазами и едва членораздельно мычать:

— Ты... что ты наделал?! Немедленно отпусти нас, разбойник! Вот пожалуемся бессмертным мастерам, они из тебя всю душу вытрясут!

Не Гэнлань даже не удостоил их ответом. Смерив застывших крестьян брезгливым взглядом, он подошёл к ошеломлённой Сюй Паньди:

— Девушка Сюй, твои родители не смогут пошевелиться ближайшие четыре часа. Возвращайся на площадь и спокойно проходи отбор. Если тебя примут в школу заклинателей, их власть над тобой кончится навсегда.

Глаза Сюй Паньди наполнились слезами благодарности. Она опустилась на колени и трижды истово ударила лбом о камни мостовой:

— Благодетель... Век не забуду вашей доброты! Коли сподоблюсь войти под сень великой школы, клянусь отплатить вам за спасение сторицей!

— Не стоит, — мягко остановил её Не Гэнлань. — Я лишь поступил так, как велела совесть.

Он сочувственно кивнул девушке и поспешил обратно к площади.

Он не оборачивался, а потому не видел, как исказилось лицо оставшейся позади Сюй Паньди. Её робкая благодарность растаяла, уступив место зловещей, торжествующей улыбке, которая медленно расплзалась по губам.

Не успел Не Гэнлань сделать и десятка шагов, как земля под его ногами вспыхнула ослепительным белым светом. Пространство исказилось, и из центра внезапно проступившего массива вырвался яростный вихрь. Невероятная сила увлекла юношу в бурлящую воронку, и в следующее мгновение он бесследно исчез в сиянии древних рун.

Из его горла не успел вырваться даже крик о помощи. На площади никто ничего не заметил — магия скрыла всё от посторонних глаз. Даже Сюй Тяньтянь, всё ещё пробивавшийся сквозь толчею, не догадывался о случившемся.

Не Гэнлань оказался зажат в жерновах колоссального пространственного вихря. Внутренности сдавило тупой болью, в глазах нестерпимо жгло, а мимо на бешеной скорости проносились неясные разноцветные сполохи. Сознание угасало, не в силах вынести перегрузок.

Вдруг сквозь рёв урагана донёлся пронзительный потусторонний визг. Из пустоты вытянулись жгуты угольно-чёрного тумана и мёртвой хваткой вцепились в его предплечье, сиюминутно утащить в бездну.

Сердце ушло в пятки. Чёрная скверна подбиралась к горлу, перекрывая кислород и высасывая последние остатки сил. Но не успел он окончательно задохнуться, как во тьме безмолвно соткался чистейший белый силуэт. Сверкнула ослепительная вспышка.

Удушающая хватка демонического тумана мгновенно ослабла. Не Гэнлань судорожно закашлялся, жадно хватая ртом воздух, грудь его тяжело и часто вздымалась.

Раздался громкий всплеск.

Из зеркальной глади неизвестного озера вырвался сияющий кокон заклинания. Пролетев по воздуху, сфера лопнула, и Не Гэнлань рухнул на влажную прибрежную траву, покотившись по склону, пока не замер у самой кромки воды.

Внутренности по-прежнему ныли от жуткого давления, а в горле першило от пережитого удушья, но в голове юноши уже билась шальная, пугающая мысль.

Там, в жерновах пространственного перехода, нечто тёмное пыталось погубить его. Но таинственный белый силуэт пришёл на выручку и вырвал его из лап смерти.

«Неужели этот спаситель и был тем самым великим злодеем, о котором шепчутся на каждом углу? Тем самым загадочным человеком в белом одеянии?»

<http://bllate.org/book/20023/1994739>